

Скрипнули петли, и тяжелая дощатая дверь отворилась. Свет тусклой керосиновой лампы хлынул в щель, выхватывая из темноты двора несколько замерших фигур.

На лицах старожил-ов-знаний отчетливо проступили улыбки. Пусть они казались застывшими, высеченными ветрами и невзгодами, но в обращении с местными парнями тон был доброжелательным, даже по-свойски теплым.

— О, Шуаньцзы, Ши-тоу, это вы привезли новеньких!

Вперед вышел коренастый парень лет двадцати семи с широким лицом и громким голосом, в котором слышался характерный северный выговор. Улыбаясь, он похлопал Шуаньцзы по плечу:

— Спасибо вам, ребята! Опять мы вас побеспокоили!

— И то верно, заходите хоть на кружку горячей воды, погрейтесь, — подхватила круглолицая девушка, оживленно поглядывая на провожатых.

— Не стоит, сестрица Хунъин! — Шуаньцзы замахал руками, смущенно улыбаясь. — Доставили — значит, задание выполнили. Нас бригадир Ли ждет, отчет нужно принести. Сказал, чтобы новенькие отдыхали, а завтра утром придут в правление отмечаться!

— Ладно! Тогда ступайте скорее, не заставляйте бригадира ждать! — ответил широкоплечий парень.

— Новенькие, мы пошли! Если что — кричите! — крикнул Ши-тоу в сторону Вэнь Юньцина и остальных.

Они развернулись, толкнули скрипучую калитку и вскоре растворились в сгущающихся сумерках.

Стоило калитке с грохотом захлопнуться, отрезав внешний мир, как теплота, которую старательно изображали старожилы, словно испарилась под порывом холодного осеннего ветра. Улыбки на лицах исчезли почти синхронно, сменившись усталостью, подозрительностью и ничем не прикрытым отчуждением.

Они вновь уставились на Вэнь Юньцина, Чэнь Мэй, Чжао Дагана и остальных. Их взгляды, словно холодные лучи прожекторов, скользили по относительно чистой одежде, по багажу с отпечатком городской жизни и по лицам, еще не тронутым суровостью здешних мест.

Во дворе остались лишь треск фитиля да шелест ветра в поленнице. Атмосфера сгустилась, став неловкой и тяжелой.

В этот момент из тени донеслось отчетливое, недовольное бормотание. Худощавый высокий парень, скривив губы, брезгливо оглядел прибывших:

— Тьфу, надо же было выбрать время... Приперлись к ужину. Почуяли запах? Боялись, что горячего не достанется?

Эти слова упали в тишину, словно ледяной камень в воду. Чэнь Мэй побледнела и невольно сжала край кофты. Чжао Даган нахмурился, на его лице проступило возмущение, и он прошептал Вэнь Юньцину на своем чжэцзянском наречии:

— Ну и гадости же он говорит!

Остальные новички тоже выглядели смущенными и разгневанными.

Хунъин, услышав это, заметно занервничала и поспешила сгладить углы. Ее улыбка вышла вымученной, но голос звучал примирительно:

— Эй, Чжан Цян, прикуси язык! Ребята только приехали, с дороги небось устали и проголодались!

Она повернулась к Вэнь Юньцину:

— Не принимайте близко к сердцу, он просто болтлив. В общем... вы тоже намучились. Проходите в дом, устраивайтесь. Места маловато, уж не обессудьте.

Парень с широким лицом откашлялся и произнес сухим, деловым тоном:

— Условия вы видите сами. Парни занимают две комнаты справа, девушки — ту, что слева. Нары общие, ищите свободное место. Кухня вон там, — он указал на крошечную постройку рядом с покосившимся сараем. — Продовольствие выдается по количеству человек и трудодням. Сегодня уже поздно, перекусите тем, что привезли с собой. Завтра утром — в правление, оформлять документы и получать паек.

Он помолчал, окинув новеньких безразличным взглядом, и добавил:

— Раз приехали — живите спокойно, не капризничайте. Отдыхайте.

Сказав это, он развернулся и направился к себе. Чжан Цян снова скривился и пробормотал себе под нос:

— Хм, неженки. Интересно, надолго ли их хватит...

Голос был тихим, но в тишине двора его слышали все. Атмосфера вновь упала до точки замерзания. Старожилы молчали: кто-то смотрел с равнодушием, кто-то — с нескрываемым любопытством. Лишь Хуньин выглядела виноватой, но сказать ничего не могла.

Вэнь Юньцин видел всё.

Он не стал реагировать на провокацию Чжан Цяна и не отступил перед холодностью Ван Вэйдун. Его взгляд спокойно прошелся по лицам, изборожденным морщинами и недоверием, и остановился на закрывающейся двери.

Не бойся, не бойся, игрок должен действовать сам!

— Товарищ Ван Вэйдун, — голос Вэнь Юньцина прозвучал чисто и твердо, разрезая холодный воздух. — Сейчас самое главное — устроиться и привыкнуть к обстановке. Подскажите, пожалуйста, в какую именно комнату нам можно пройти?

Он держался с достоинством, задавая самый насущный вопрос.

Ван Вэйдун замер, взявшись за ручку двери, и с удивлением обернулся. Этот самый младший из новичков, несмотря на явную враждебность и давление, вел себя на удивление хладнокровно. Ни паники, ни гнева, ни страха — только суть дела.

Хуньин, словно ухватившись за спасательный круг, поспешила указать на восточные комнаты:

— Да-да, в обе комнаты справа можно, смотрите, где есть свободные места! А девушки, за мной, налево!

Ван Вэйдун пристально посмотрел на Вэнь Юньцина, ничего не ответил, лишь коротко хмыкнул и окончательно захлопнул дверь.

Невидимая стена между старыми и новыми знающими уже воздвиглась в холодных сумерках северной осени. Но Вэнь Юньцин своей не по годам спокойной уверенностью пытался пробить в ней первую брешь.

Не обращая внимания на остатки враждебности, он подхватил свой багаж и бросил Чжао Дагану и остальным:

— Пойдемте, нужно обустроиться.

Он первым зашагал к тускло освещенным мазанкам. Чжао Даган засеменил следом, шепотом спрашивая:

— Малыш, в какую нам?

Остальные парни, растерянные и уставшие, потянулись за ними.

Двери двух соседних мазанок были открыты, изнутри лился слабый свет. Вэнь Юньцин остановился у первого порога и заглянул внутрь. Чжао Даган заглянул через его плечо.

Оба замерли.

Первое, что предстало их взорам — не кровати, а огромный помост, занимавший почти всю комнату и сложенный из кирпича и самана.

Кан? В голове Вэнь Юньцина всплыло название, знакомое по книгам и фильмам, но увиденное живую поражало куда сильнее.

Помост был высотой почти по пояс, массивный, монолитный. Вэнь Юньцин присмотрелся: поверхность, выровненная желтой глиной с примесью соломы, была достаточно широкой, чтобы на ней свободно улеглись человек пять-шесть.

На кане в беспорядке валялись соломенные циновки и старые одеяла. В воздухе стоял тяжелый запах пыли и слежавшейся ваты.

Помимо этого огромного ложа, в комнате почти не было свободного места. В углу громоздились ивовые короба и мешки, а единственной мебелью был шаткий, потрескавшийся столик, на котором стояла лампа с едва теплящимся фитилем.

Стены из грубого самана пожелтели и почернели от копоти. Потолочные балки выглядели сурово. Вся комната казалась тесной, убогой и даже какой-то давящей.

<http://bllate.org/book/18784/1823316>